

Семь дней.

Целых семь дней анализов крови, сканирований на аппаратах и консилиумов врачей — белые стены Второй городской больницы Ханчжоу, казалось, вот-вот начнут мерещиться Цзян Жунькуню в глазах.

В конце концов, после того как медсестра Ло Вэй сбила ноги, стерла язык и бесконечно повторяла, что он действительно пришел в себя, находится в прекрасном расположении духа и просто слишком много болтает, администрация больницы, наконец, скрепя сердце, поставила ярко-красные печати на увесистой стопке выписок, где значились диагнозы «крайне неблагоприятный прогноз», «почти полная невозможность восстановления функций» и «необходимость пожизненного вспомогательного ухода».

В день выписки Ло Вэй была даже более взволнована, чем сам пациент.

Поскрипывая белыми кроссовками по административному коридору в стиле «Форсажа», она ворвалась в палату временного размещения Цзян Жунькуня, прижимая к себе огромную стопку документов.

— Готово, брат Цзян, поздравляю с выходом на свободу!

Она с грохотом опустила бумаги на прикроватную тумбочку, уперла руки в бока, и ее маленькая грудь часто вздымалась. На лице отражалось противоречивое чувство, словно она наконец избавилась от какой-то священной обузы.

Цзян Жунькунь, одетый в новенький, выбранный с помощью Ло Вэй, широкий и удобный повседневный костюм, сидел в инвалидном кресле и выдавил из себя беспомощную улыбку:

— Медсестра Ло, ваше сравнение... если кто не знает, решит, что меня поймали на продаже почки!

Он и сам не понимал, почему с момента пробуждения это желание находить радость даже в горе стало таким неудержимым, словно взбесившийся конь.

Ло Вэй закатила глаза:

— Это куда более захватывающе, чем твоя почка! Вживление метеорита, полгода глубокой комы, чудотворное медицинское воскрешение...

— За такой сценарий Оскар сам прибежит вручать тебе статуэтку!

Она и сама не смогла сдержать смех.

— Давай уже, поторопись. Снаружи вовсю цветущая весна, трава доросла до твоей поясицы, если не уедешь сейчас, то девичий виноград за окном палаты пролезет внутрь и вручит тебе премию «Лучший лежащий жилец года»!

Действительно, за окном стоял апрель.

Солнечный свет золотом заливал двор, раскачивались зеленые деревья, в воздухе разливался запах возрождающейся влажной земли, и это казалось целой вечностью по сравнению с той ночью на вершине горы Тайпин, когда случилась беда.

Ло Вэй помогла ему мастерски привязать все платежные приложения к новому телефону — для Цзян Жунькуня, только что «откопанного» после полугодового отсутствия, за это время мобильные платежи обросли кучей новых функций.

Взглянув на остаток средств на банковском счете, предназначенных «на жизнь», он едва не вздрогнул, но все же без колебаний перевел Ло Вэй деньги за телефон, одежду и услуги курьера.

В компании с ним обошлись довольно прилично.

В WeChat начальник прислал шаблонное пожелание: «Береги здоровье, компания тебя ждет».

В чате закадычных друзей сообщения перевалили за 99, а комментарии Линь Шицзи по прозвищу «Цыпленок» занимали добрую половину переписки.

— Обалдеть! Куныцзы? Воскрес из мертвых?!

— [Иконка с перепуганным лицом]

— Очнулся? Реально?!!

— [Сообщение о переводе средств: Живее, папа уже отложил денег тебе на лекарства! Если не хватит — говори!]

— ...

Последнее сообщение пришло два часа назад: «Жду тебя дома! Я сварю тебе сто домашних кур, чтобы поправился!»

У Цзян Жунькуня защемило сердце, он несколько раз ткнул пальцем в экран и в итоге коротко ответил: «Очнулся, не переживайте, еду домой».

Дом всегда был его самой главной опорой, но сейчас стал и самой тяжелой ношей.

Профессиональный сиделка осторожно катил кресло, а Ло Вэй провожала его до самого низа, суетливая, как наседка, отправляющая цыпленка в путь.

— На дороге будь осторожнее, как доберешься домой — напиши, не забывай принимать лекарства...

Попрощавшись с Ло Вэй, он сел в заранее заказанное такси повышенной комфортности. Места на заднем сиденье было столько, что оно напоминало маленькую гостиную.

Водитель, мужчина из северных краев чуть старше сорока, говорил громко, и от его смеха вибрировали стекла:

— О, брат, едешь домой? В горы Фуню, что у Лояна? Там ведь такие дивные горы и воды! Но путь извилистый! Не волнуйся, старый Ма водит так, что колеса к асфальту прилипают!

Всю дорогу старый Ма не закрывал рта: от невероятных историй со всего света до жалостливых баек о нелегкой доле водителя — слюни летели во все стороны.

Цзян Жунькунь вежливо поддакивал, но все его мысли были сосредоточены на той части тела ниже пояса, где царила тишина.

Еще несколько дней назад там не было ничего, а теперь, медленно и упрямо, оно передавало в мозг какое-то странное, невыразимое ощущение.

Это не была острая боль — скорее похоже на зудящее покалывание, будто тысячи муравьев грызли кости изнутри, а спящий вулкан в глубине организма потихоньку закипал.

«Есть шанс! Определенно есть шанс!»

Раскаленная магма радости бурлила в груди Цзян Жунькуня, едва не прорываясь сквозь маску нарочитого спокойствия.

Если он чувствует зуд и покалывание, значит, нервные пути целы, значит, возможно... сухое дерево действительно может зацвести?

Он даже осторожно попробовал пошевелить пальцами ног, и хотя внешне они оставались неподвижны, легкое натяжение глубоких мышечных волокон вспыхнуло, словно светлячок в ночи!

Даже такой болтливый человек, как старый Ма, после многочасового движения по шоссе, наконец, исчерпал запас историй.

В салоне остались лишь мерный шум колес и расслабляющая музыка, а пейзаж за окном сменился с городского шума на холмистую местность.

И в этот тихий момент:

— Пи-пи-пи-пи-пи...

Резкий, пронзительный звук, похожий на сигнал полицейской сирены, без всякого предупреждения внезапно взорвался в ушах Цзян Жунькуня!

Он подпрыгнул, подсознательно решив, что барахлит какое-то устройство в машине, и обернулся к водителю:

— Мастер Ма, будьте добры, выключите сигнализацию? Звук какой-то резкий.

Тот ошарашенно посмотрел на него через зеркало заднего вида:

— Сигнализацию? Какую сигнализацию? Брат, у меня в машине нет никакой сирены! Только датчик давления в шинах и ограничитель скорости, звук там совсем другой!

— Это не ваша машина пищит?

Цзян Жунькунь замер. Неужели ему слышалось? В этом замкнутом пространстве...

— Пи-пи-пи-пи-пи...

Звук не только не исчез, но стал еще интенсивнее, громкость возросла, словно дрель прислонили к барабанной перепонке!

Он даже подумал, не спрятан ли где-то невидимый пейджер.

— Да твою ж мать! Серьезно не вы?!

Он яростно замотал головой, пытаясь отогнать этот назойливый шум, но пронзительное пищание, словно паразит, впилося в слуховой нерв.

Лицо Цзян Жунькуня побледнело, на лбу выступил холодный пот.

Галлюцинация?

Последствия падения метеорита?

Рецидив звона в ушах после сотрясения мозга?

В тот самый момент, когда он, раздраженный, уже хотел зажать уши руками и велеть старому Ма остановиться, сумасшедшее пицание мгновенно стихло.

Салон погрузился в странную тишину.

Затем холодный, ровный, лишенный эмоций голос, словно прошедший через некачественные динамики, отчетливо, по слогам прозвучал прямо у него в голове:

— Уважаемый одинокий... аристократ Цзян Жунькунь, ваша Система совершенствования «Всевышний повелитель небес, земли, трех миров и шести путей» готова служить вам верой и правдой!

Холодный голос еще эхом отдавался в голове, но на лбу Цзян Жунькуня дернулась жилка.

Одинокий... аристократ?

И это бесконечно длинное, как портянка, название системы...

Чувство неловкости накрыло такой волной, что ему захотелось провалиться сквозь землю!

— Ссс... такой стиль... слишком аутентично... — Цзян Жунькунь скривил губы, сдерживаясь, чтобы не закатить глаза. — Так знакомо... так по-детски... такой стыд... эта система что, сбежала из раздела фэнтези с сайта Цидянь?

Пока он мысленно критиковал вкус разработчиков системы, он осторожно, на ментальном уровне, прислушался:

— Эй... многоуважаемая система? Можно... говорить по-людски? Название слишком длинное, боюсь, моя память не выдержит.

Холодный голос сделал паузу на полсекунды, словно изучая программу перевода на «человеческий язык», и ответил:

— Пип. Языковой режим оптимизирован... Распознаны предпочтения пользователя: кратко, эффективно, по существу.

— Систему совершенствования подтверждена. Команда: говорить по-людски. Формат переведен.

— Уважаемый Цзян Жунькунь, ваша личная система привязки завершена, отныне я к вашим услугам!

В этот раз вышло куда короче.

Цзян Жунькунь немного выдохнул, но огромный вопрос продолжал висеть над головой:

— «Система совершенствования? Привязка? К моим услугам? Брат, ты вообще видишь, куда привязался? Я — инвалид, у которого нижняя часть тела только начала подавать признаки жизни, я даже пальцем ноги пошевелить не могу! Какое совершенствование? Да я в туалет сходить не могу без помощи!

— Ты уверен, что не ошибся целью? Может, тебе стоило привязаться к какой-нибудь отличнице из академии совершенствования, а не к местному бедняку из Лояна, который сам себя обслужить не в состоянии? Ты вообще что такое?»

Система, видимо, уловила его ментальный поток жалоб и вопросов, и ответила с холодным, вполне понятным высокомерием:

— Личность подтверждена. Ядро системы основано на теории метафизики: «Крайности сходятся», «После великого горя приходит великая радость», «Стойкость в беде ведет к познанию Дао». Ваша параплегия плюс полное одиночество идеально соответствуют пороговым значениям для активации. Вы — избранный, единственный и неповторимый.

— Точное определение: эта система — ваш личный внешний чит, ваш золотой палец на пути к Дао, и... ваша единственная надежда изменить свою судьбу.

Личный чит...

Единственная надежда изменить свою судьбу...

Цзян Жунькунь с недоверием посмотрел на свои ноги, укутанные в свободные брюки.

За окном лучи закатного солнца золотили вершины гор Фуню, окутывая их загадкой.

А глубоко внутри него то самое раздражающее, но подающее надежду покалывание в этот момент, казалось, стало в три раза горячее.

— Ха...

Тихий, сложный, полный иронии судьбы и зарождающейся, необузданной жизненной силы смешок сорвался с его губ.

Старый Ма впереди, кажется, что-то услышал и вопросительно взглянул в зеркало:

— Брат? Чему улыбаешься? Настроение поднялось, как к границе Луаньчуани подъехали?

Цзян Жунькунь тут же взял себя в руки, ответив простодушной улыбкой:

— Да, мастер Ма, просто соскучился по дому.

— Ха-ха, это нормально. Я сам в молодости, бывало, засижусь на чужбине, и в тишине по ночам слезами умывался, вспоминая родной порог...

Старый Ма стал рассказывать жизненные истории.

В салоне текла мягкая музыка, водитель тихонько напевал несложную мелодию. А глубоко в душе у Цзян Жунькуня начинала разыгрываться буря, где переплелись наука и магия, паралич и совершенствование, отчаяние и чутерпеливое ожидание чуда.

<http://bllate.org/book/18961/1859941>